

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Год XL

№ 138

1985

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир МАКСИМОВ. <i>Удальцов. Глава из романа «Заглянуть в бездну» («Звезда Адмирала»)</i>	5
Вероника ДОЛИНА. <i>Песни</i>	35
Нина БОДРОВА. <i>У реки Утраты. Стихи</i>	44

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Игорь ЕФИМОВ. <i>Чехов о насилии</i>	47
Е. А. ТУДОРОВСКАЯ. <i>Пушкин в гриме Белкина</i>	59
А. К. ЖОЛКОВСКИЙ. <i>Искусство приспособления</i>	78
Елена ГЕССЕН. <i>Новояз-1985. Нелингвистические заметки</i>	99

КРУГ ЧТЕНИЯ

Петр ВАЙЛЬ, Александр ГЕНИС. <i>Без гнева и пристрастия</i>	114
---	-----

НАСЛЕДИЕ

Борис ПАРАМОНОВ. <i>Канал Грибоедова</i>	142
--	-----

ИСТОРИЯ

Виталий РАПОПОРТ. <i>Меч и скрипка. Очерк биографии Михаила Тухачевского</i>	210
--	-----

НАУКА

Лариса ВИЛЕНСКАЯ. <i>Чудеса и трагедии черного ящика. Что происходит с парапсихологией в СССР</i>	253
---	-----

БИБЛИОГРАФИЯ

Лев Друскин. Берегите нас, поэтов!	276
Н. Малаховская. Будничная святость	279
Т. Горичева. Трагедия русской святости	284
П. Шмидт. «Европа в огне»	287
С. Довлатов. Папа и блудные дети	291
Ю. К. Новооткрытая лирика Сергея Клычкова	295
КОРОТКО ОБ АВТОРАХ	300

Папа и блудные дети

Эрнст Хемингуэй несомненно входит в когорту самых крупных прозаиков 20-го столетия, но его популярность в Советском Союзе, его роль в нашей общественной жизни объясняется и обуславливается не только и не столько качеством его художественного дара. Многие писатели, как американские, так и европейские, вполне соизмеримые по таланту с Хемингуэем – Стейнбек, Вулф, Томас Манн или Генрих Бёлль – тоже издавались по-русски в безукоризненных переводах, тоже были объектами литературно-критических исследований, тоже пользовались широкой известностью, но ни об одном из них, я уверен, не могла бы быть написана книга, подобная той, которую выпустила в издательстве «Ардис» Раиса Орлова.

Хемингуэй в России воспринимался не только как выдающийся писатель и не только как писатель и человек с героической и яркой биографией, но и как своего рода абстракция, утвердившаяся в нравственной, эстетической и даже бытовой

Раиса Орлова. «Хемингуэй в России». «Ардис», 1985.

сферах. Книги Хемингуэя были неизменной, я бы сказал – кодовой принадлежностью любого интеллигентного дома, бесчисленные изображения Хемингуэя – в рубашке военного покроя, в грубом свитере и даже в полуголом виде за рулем парусной яхты – продавались в галантерейных магазинах наряду с чугунными витязями, анодированными пепельницами и псевдогрузинской чеканкой, цитатами из Хемингуэя полтора десятилетия перебрасывалась развитая городская молодежь, Хемингуэю посвящали стихи Евтушенко и Ахмадулина, а Виктор Платонович Некрасов, еще будучи советским писателем, опубликовал хороший рассказ, который так и был им озаглавлен – «Посвящается Хемингуэю».

Как же получилось, что иностранный писатель, американец, убежденный индивидуалист, весьма далекий как от марксистско-ленинских идей, так и от классической русской литературной традиции, отразился не только в сознании, но и в облике целого поколения советских граждан, стал образцом современного характера, эталоном мужчины, а также породил неисчислимое количество подражателей, соизмеримых по численности разве что с легионами подражателей Маяковского?

На все эти вопросы отвечает Раиса Орлова в своей книге «Хемингуэй в России», выпущенной недавно издательством «Ардис».

В книге Раисы Орловой наличествуют два плана – внешний и внутренний, историко-научный и общественно-публицистический. Фабула исследования развивается в соответствии с датами публикаций Хемингуэя на русском языке, с различными вехами его довольно бурной биографии, с разнообразными партийными документами и причудливыми веяниями в нашей общественной жизни. Развивающаяся параллельно всему этому – внутренняя, аналитическая часть книги посвящена взаимодействию творчества Хемингуэя, его эстетической и нравственной программы – с сознанием аудитории, причем, на разных исторических этапах, в силу тех или иных событий, а также – вопреки этим событиям.

Раиса Орлова показывает, как хемингуэевский кодекс мужественного поведения в безнадежных обстоятельствах становился опорой для советского человека, как герои Хемингуэя, подавляющие свои чувства во имя долга, становились для наших соотечественников спасительным или хотя бы утешительным примером.

Персонажи Хемингуэя, как и советские люди, то и дело, по выражению Маяковского, – «наступали на горло собственной песне», но при этом Раисой Орловой тонко подмечено, что по-

добие хемингуэевского кодекса тем правилам, которые внедрялись в души советских людей, было обманчивым, а суть этих двух этических программ – диаметрально противоположной. Чем бы ни жертвовали герои Хемингуэя в борьбе за дело, которое они считали правым, никто из них, тем не менее, не писал доносов, не выдавал на расправу колхозникам собственного отца и не сопровождал демагогические лозунги партийных вождей – бурными, долго не смолкающими аплодисментами, переходящими в овацию. Поэтому углубление в мир Хемингуэя становилось для советского человека если не бунтом, то во всяком случае – формой бегства от действительности с ее метро-строями, днепрогэсами и гидроцентралями, с ее громыхающими одами и клубящимися эпопеями, а главное – с ее приматом коллектива над личностью.

Нельзя не согласиться с Орловой и в том, что любовь к Хемингуэю носила в нашей стране романтический, то есть – капризный, возвышенный, требовательный и переменчивый характер, склонный к идеализации и потому чреватый в дальнейшем бурными разочарованиями. Действительно, увлечение Хемингуэем, как подмечает Раиса Орлова, явно напоминает феномен русского байронизма 19-го столетия, когда в 20-е – 30-е годы появились десятки русских поэм и романов в байроническом духе. Ведь и тогда, как и в случае с Хемингуэем, можно было не только декламировать строки, навеянные английским поэтом, но и встречать местных байронов в Петербурге и в Москве, в дворянском собрании и в гвардейском полку, на полковой гауптвахте или даже в казематах Петропавловской крепости. И если молодой Александр Сергеевич Пушкин, условно говоря – кутался в плащ Чайлд-Гарольда, то Иосиф Бродский или Василий Аксенов в пору ранней молодости примеривали на себя грубые рыбацкие свитера и отпускали хемингуэевские бороды.

Раиса Орлова внимательно прослеживает всю историю бурного и драматического «романа» между русским обществом и великим американским писателем со всеми взлетами и спадами, с первыми публикациями и первыми проработками, с длительной опалой в сороковые годы, которую Хемингуэй имел честь разделять с лучшими русскими прозаиками Булгаковым, Платоновым и Зощенко, с реабилитацией в конце 50-х годов, которую Хемингуэй разделил с теми, кто уцелел в сталинских лагерях, и с постепенным угасанием этого «романа» в 70-е годы.

Именно в эту пору, когда Хемингуэй завоевал журналы и издательства, сцену и кинематограф, русское общество начало охладевать к своему кумиру. Любовь к нему перестала быть

личной, интимной, полузапретной, она стала общей, дозволенной, массовой, а это ли не верный признак угасания чувств? Полтора десятилетия русская молодежь жила рыболовно-охотничьими и военно-спортивными идеалами, но вот недолгая оттепель сменилась ощутимыми заморозками, переходящими в устойчивое ненастье, и мыслящая часть русского общества разделилась на лояльных прагматиков и на тех, кто потянулся к более глубоким формам духовности, кто попытался приблизиться к религии или русской философии начала века, кто либо замкнулся в узком кругу близких по духу людей, либо бесстрашно пошел на открытую конфронтацию с властями.

Для этого поколения Хемингуэй был простоват и даже инфантилен, а его основные тезисы перекликались с древнегреческим «В здоровом теле – здоровый дух», в то время, как русское общество все чаще убеждалось, что в самом здоровом теле может гнездиться рабское заячье сердце, а слабая и хрупкая телесная оболочка сплошь и рядом оказывается вместилищем подлинной духовности.

Таким образом, Хемингуэй как бы перекинул для советского читателя мост от парадного и безликого искусства социалистического реализма к фантасмагориям Кафки и Орвелла, к откровениям Бердяева, Леонтьева и Соловьева, одарив наше поколение простыми и доступными идеалами, и не Хемингуэй виновен в том, что эти идеалы оказались слишком хрупкими, что советская реальность потребовала от нас более серьезных решений и побудила к более серьезным раздумьям.

Хемингуэй был нашим кумиром, его не только любили как писателя, но и старались жить по его образцам, и потому разочарование в нем было особенно сильным, ведь по-настоящему презирать и ненавидеть человек способен лишь собственные слабости и грехи.

Хемингуэй застрелился около тридцати лет назад, и с тех пор остается неизменным, а меняемся только мы сами, и не очень-то благородно, я думаю, возлагать на покойного писателя ответственность за собственные перемены.

Хемингуэй был кумиром, а любовь или хотя бы благодарность к развенчанному кумиру требует от нас известной доли благородства, поэтому главная ценность книги Раисы Орловой именно в том, что она пробуждает добрые чувства в тех из нас, кто еще способен на это.

С. Довлатов